

Буксения
Баштовая

ПРОКЛЯТЫЕ
ОГНЕМ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б33

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Баштовая, Ксения Николаевна.

Б33 Проклятые огнем : [роман] / Ксения Баштовая. —
Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-087465-1

Нельзя смотреть на открытое пламя — в человека вселится саламандра. Огненный дух будет бродить под кожей, жечь несчастного, течь пламенем по его венам... Лишь бродячие монахи могут спасти смертного от этого исчадия Того, Кто Всегда Рядом. А потому надо ли удивляться, что Адельмар, великий правитель Ругеи, готов силой заставить монаха изгнать саламандру из той, что ему дорога? И кто виноват, что у Мадельгера фон Оффенбаха оказалось слишком много скелетов в шкафу? Впрочем, не у него одного...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087465-1

© Баштовая К.
© ООО «Издательство АСТ»

ЧАСТЬ 1

Бродячий монах прибыл в городскую тюрьму Бирикены на рассвете. Отпускать грехи перед смертью могли только эти сыны Единого, но из всех странствующих по городу в казематы соглашался прийти только отец Трутхари, вот и пришлось его ждать — иначе преступника можно было бы повесить еще до того, как встало солнце.

Зайдя в камеру, монах осенил преступника Знаком Единого и, прикрыв за собою дверь, дабы соблюсти таинство, тихо обронил:

— Покайся, дитя мое, ибо покрыли грехи тебя крылами своими...

Стандартная формулировка, надо сказать, подходила к этой ситуации мало — приговоренный, как назло, даже не потрудился встать с охапки соломы, на которой лежал до прихода монаха, и сейчас, подложив руку под голову, пялился на посланника Единого наглыми глазами — серым и зеленым...

Вышел отец Трутхари минут через сорок, низко надвинув капюшон на лицо, и в ответ на заинтересованный взгляд стражника только плечами пожал:

— Этот заблудший агнец не захотел каяться.

Заглянув через плечо монаха в камеру, Бобри разглядел, что приговоренный все так же лежит на брошенной на пол соломе. Лишь к стене отвернулся, укрывшись с головой своим ободренным плащом.

Честно говоря, тюремщик не до конца был уверен, что преступникам — особенно таким, приказ о чьей смерти отдал сам инквизитор, — вообще стоит пытаться

ПРОКЛЯТЫЕ ОГНЕМ

отпустить грехи, но раз обычай требовал, приходилось с этим соглашаться.

За то время, пока монах находился в камере, его старую лошадь, тянувшую скособоченный возок, на котором и приехал посланник Единого, распрягли и сейчас как раз вели в конюшню после небольшой прогулки по двору.

Отец Трутхари тронул Бобри за плечо и чуть слышно попросил:

— Запрягайте обратно. Я поеду.

Тюремщик удивленно покосился на него, но спросить не успел, вестник Единого продолжил свою мысль:

— В Зеленой долине умирает старый Ландгрим, я должен быть там, чтоб его душа не попала в когти Того, Кто Всегда Рядом.

Упряжь запуталась, и священнику пришлось ждать. Вот он и стоял, нетерпеливо постукивая по промерзшей за ночь земле носком истоптанного сапога.

Сапога.

Сапога.

А ведь монахи носят сандалии. Или ходят босиком...

Бобри понял ошибку самозванца одновременно с ним. Из-под низко надвинутого капюшона блеснули злые глаза, и прежде, чем охранник успел закричать, лжемонах резко двинул его локтем под дых, сбивая дыхание, и рванулся ко все еще не запряженной кобыле. Из-под подпоясанной рясы посыпались пучки соломы, подсунутые под одежду для того, чтоб казаться толще.

Старушка Гретта перевидала многое. Когда-то она ходила под седлом, а потом хозяин, какой-то шварцрейтар, пожалев ее, не решился продать на бойню. Вот и выкупил кобылу отец Трутхари. Фальшивый монах, высоко задрав рясу, под которой обнаружили, кроме сапогов, еще и темные, перепачканные тюремным мхом штаны с разрезами, одним прыжком взлетел на спину старой кобыле и резко ударил ее каблуками по бокам.

Видно, старые воспоминания все еще давали о себе знать. Лошадь, не ожидавшая такой наглости, как в далекой

ЧАСТЬ 1

молодости взвилась на дыбы и, разметав пытавшихся удержать беглеца людей, проскакала к выходу из замка. Лишь копыта дробно отстучали по каменной мостовой...

* * *

Спустя неделю...

Адельмар Сьер себе места не находил. Приходской священник уехал в Кульмье, а странствующего, которого якобы видели на улицах Лундера, никак не могли найти. Тихий стук в дверь, и в кабинет шагнул мажордом — темноволосый юноша лет двадцати пяти. Склонил голову в коротком поклоне:

— Он прибыл, милорд.

Молодой лорд выскочил из кабинета, чудом не сшибив слугу.

Тот, Кто Всегда Рядом, полностью оправдывает свое имя. К Единому надо звать долго, а обратиться к Тому, и слуги его всегда готовы прийти на зов, попросив взамен такую малость — душу воззавшего. Вдобавок приходские священники часто отлучаются: людей много, а тех, кто отмечен милостью Единого, всегда мало. Вот и странствуют по городам вольного лорд-манорства Фриссии бродячие монахи — направляют и подсказывают. Один из них и прибыл сейчас по приглашению лорда Сьера.

Когда Адельмар буквально влетел в комнату, монах сидел, общипывая длинными узловатыми пальцами кисть дорогого винограда и неспешно бросая ягоды в рот. Заслышав шаги хозяина, гость резко обернулся и, следуя этикету, скинул с головы капюшон.

Под капюшоном обнаружилось молодое лицо, окруженное кудряшками светлых волос. Острые, тонкие черты лица придавали путешественнику сходство с лисою. Вдобавок похоже на то, что, прежде чем прийти в лоно Храма, монах участвовал в подпольных боях — нос был

ПРОКЛЯТЫЕ ОГНЕМ

сломан в паре мест. А довершали картину насмешливые глаза разного цвета: один — серый, второй — зеленый.

В кресле монах сидел чуть боком, словно что-то мешало ему, да еще и ряса чуть топорщилась сбоку, словно мужчина что-то скрывал под нею, но Адельмару было сейчас не до изучения пришельца.

Полновластный правитель горного лорд-манорства Ругеинамиг замер в дверях, а затем быстрым, решительным шагом направился к монаху. Тот, наоборот, даже не потрудился привстать с кресла, лишь плавно поднял руку с тонким серебристым кольцом, разрисованным тайными знаками, и коротким, рваным движением осенил вошедшего Знаком Единого. Лорд Сьер поморщился, остановившись в паре шагов от странника: у Адельмара привычно зазвенело в ушах — обычная реакция на Знак. Но, по крайней мере, это подтверждало, что монах настоящий, — а то в последнее время развелось столько самозванцев...

— Рад видеть Вас в Лундере, отец... — хрипло начал Адельмар.

Губы посланника Единого тронула легкая улыбка:

— Отец Мадельгер, сын мой.

Честно говоря, лорда Сьера всегда слегка коробило подобное обращение: монах явственно был моложе его лет на десять, да и бродячие посланники Единого обычно происходят не из дворянского сословия. Но сейчас приходилось терпеть. Ради Селинт. Ради ее спасения.

— Отец Мадельгер, — согласился мужчина. — Вы с севера или с юга?

— Это имеет значение для нашей веры?

Правитель Ругеи опустил глаза под насмешливым взглядом монаха:

— Ничуть, отче. Просто я никогда не понимал северную моду на имена, связанные с войной. Хотя сокращение «Гери» меня устраивает. — Удержаться от того, чтобы хоть чуть-чуть, но поставить монаха на место, Адельмар все-таки не смог.

ЧАСТЬ I

— Я с юга, сын мой. И оно не устраивает меня. —
В голосе пришельца явственно звякнула сталь.

А этот бродяга был не так уж прост, как казался...

Впрочем, уже через мгновение разноглазый подлил в голос еля:

— Но ведь ты позвал меня не затем, чтоб узнать, откуда я, сын мой?

— Вы правы, не за этим, отец Мадельгер. — Адельмар попытался вспомнить о добродетели смирения.

Монах удовлетворенно кивнул.

— Твоя душа блуждает в потемках, — ласково начал он. И видно было, что пришелец повторяет заученные слова, не задумываясь об их содержании. — Ты хочешь услышать слова Единого, данные нам милостью Его и...

— Нет!

Короткое резкое слово оборвало медоточивые речи, и монах замолчал на полуслове, подобно телеге, сбившейся с наезженной колеи.

— Простите?..

— Идемте со мной, отец Мадельгер.

И дворянин направился к выходу из комнаты.

— Скримсл! — зло и тихо ругнулся монах.

Лорд, не расслышав, обернулся на пороге:

— Вы что-то сказали, отец Мадельгер?

— Ничего важного, сын мой, — сладко улыбнулся пришелец. — Я лишь возблагодарил Единого, что он направил мои стопы туда, где я был нужен...

Мажордом, ожидающий окончания разговора за дверью, при виде хозяина склонил голову в поклоне.

— Как госпожа? — отрывисто спросил лорд Сьер.

— Все по-старому, милор... — Мужчина на миг запнулся, покосился на вышедшего из приемной монаха и почему-то уточнил: — Она сейчас одна. Его — в течение часа не будет.

О чем или о ком шла речь, отец Мадельгер так и не понял, впрочем, следующий короткий жест Сьера относился именно к нему:

ПРОКЛЯТЫЕ ОГНЕМ

— За мной.

... По женской половине замка всполошно метались служанки. Кто-то нес охапку пожженных тканей, кто-то волочил тяжелые кадки, кто-то тащил ведра, наполненные пеплом. Одна из девушек, несущих воду, промчалась мимо монаха, наполненная кадка угрожающе заколыхалась, чудом не выплеснув часть своего содержимого на подол его рясы, и разноглазый пугливо дернулся в сторону.

— Что случилось?! — Лорд Сьер клещом вцепился в руку пробегающей мимо служанки, несущей на металлическом совке пылающие жаром головешки.

Девушка испуганно ойкнула и, чудом ничего не рассыпав, присела в неуклюжем книксене:

— Госпожа...

— Что с ней?!

— Она... Она опять... — глухо всхлипнула служанка.

Лицо Адельмара залила неестественная бледность, и мужчина не разбирая дороги рванулся куда-то вперед. Снующие горничные словно и не заметили происшествия: даже та служанка, руку которой выпустил лорд, не поспешила за ним, а побежала куда-то по своим делам.

Отец Мадельгер перевел дух. Кажется, про него забыли.

И в это время тишину распорол женский крик. Истошный, рвущийся из глубины души, он донесся откуда-то из глубины коридора, оттуда, куда убежал встревоженный хозяин замка...

Монах окончательно понял, что здесь ему делать нечего. Резко развернулся и... нос к носу столкнулся с молчаливо следовавшим за хозяином мажордомом.

— Вам туда, отче. — На лице слуги не дрогнул ни один мускул.

— Вы... Ты что-то перепутал, сын мой, — ласково начал разноглазый, не обращая внимания на то, что мажордом всего на несколько лет его младше. — Посланцы Единого не принимают родов и...

ЧАСТЬ I

— Вам туда, отче.

— Но...

Странно все это, очень странно. Чересчур молодой мажордом, умудряющийся как-то, несмотря на свой юный возраст, хранить ледяное спокойствие, чересчур нервный правитель, чересчур испуганные слуги...

— Вам туда, отче,

Монах резко, по-гвардейски, развернулся на пятках, и напряги мадоржом слух, он бы услышал что-то вроде проклятья...

Идти по коридору пришлось недалеко — благо, дорогу отцу Мадельгеру показывал все тот же мажордом. Пришлось подняться на второй этаж, завернуть за угол.. И остановиться перед тяжелой металлической дверью, казавшейся совершенно инородной в этом месте. Соседние двери были сделаны из дорогого мореного дуба, украшены резьбой и золочением, некоторые закрывались плотными шелковыми драпри.. Эта же створка была склепана из отдельных пластин и установлена явственно наспех. Всю ее покрывал нагар, кое-где виднелись потеки застывшего металла, грубо сделанные окошки внизу и вверху двери служили для наблюдения за... За чем? Что скрывалось в сердце замка?

Сейчас дверь была приоткрыта, изнутри комнаты слышались взволнованные голоса и тянуло запахом гари.

— Вам туда, отче, — флегматично повторил мажордом.

Бродячий монах вздохнул, что-то пробормотал сквозь зубы — слуга предположил, что это была краткая молитва, — и решительно шагнул вперед.

... Когда-то это была небольшая дамская приемная — на стенах еще виднелись обугленные остатки дорогих тканей, в дальнем углу дымились обломки туалетного столика, на полу чадил скатанный в тугой рулон дорогой ковер, усыпанный угольками, а в центре, в переливающемся синевой пентакле лежала без движения дувушка в свободной рубахе из каменного льна...

ПРОКЛЯТЫЕ ОГНЕМ

Монах опустил взгляд на нарисованные на каменном полу знаки, созданные водной магией, и поспешно отвел взор — у него мгновенно заломило в висках.

Впрочем, все равно оставались вопросы. Конечно, нет сомнения, что пентакль начерчен только потому, что того требует необходимость. Но с другой стороны, магия? Здесь? В самом сердце Ругеи? Впрочем, сказать что бы то ни было по этому поводу отец Мадельгер не успел: отчаянный крик, подобный тому, что раздавался раньше, сорвался с губ девушки: лицо ее исказилось болью, тело выгнулось дугой, так что сейчас она касалась пола лишь пятками и затылком, а от тела пошла нестерпимая волна жара — даже водный пентакль не мог удержать того, что скрывалось в его сердце...

— Селинт!!!

Изнакомка не услышала отчаянного крика Адельмара. Поселившаяся в ней саламандра стремилась вырваться наружу, она жгла тело, не способное долго держать в себе огненного духа, она уничтожала все на своем пути...

— Селинт!!! — Мужчина рванулся вперед, он уже не думал ни о чем.

— Она не слышит вас, милорд. — Ровный голос мажорджома подействовал не хуже холодного душа.

Дворянин замер, чудом не пройдя линий пентакля, не разорвав магический круг, медленно опустил голову.

— Можешь идти, Бертвальд.

— Как угодно, милорд...

Если бы мажордом не ответил, отец Мадельгер и не догадался бы, что тот исполнил приказ, — слишком уж тихими были его шаги.

Лорд-манор стоял, грызя губу и не отрывая напряженного взгляда от извивающейся в пароксизмах боли девушки. На бледном лице мужчины выступил пот...

Девушка медленно опустилась на пол, расслабилась, словно растеклась по камню...

Лишь тогда Адельмар решился отвести от нее взгляд.

ЧАСТЬ I

— Отец Мадельгер, я понимаю, здесь немного странная обстановка, но поймите меня, у меня не было выхода. Как бы то ни было, я надеюсь, что вы изгоните саламандру, и тогда мы сможем решить вопрос относительно пентакля. Я надеюсь, Храм пойдет навстречу, и изгнание...

— Нет.

В первый момент Адельмар не понял:

— Что вы сказали, отче?

Монах заговорил, отводя глаза и пытаясь спрятать чувства за кривой улыбкой:

— Я понимаю, зачем вы... зачем ты позвал меня, сын мой, но помочь в твоей беде не могу. — Он словно и не обратил внимания на слова о пентакле.

— Почему?!

— Я... Я не могу...

— Что за чушь вы несете, отец?! Вы же посланник Единого! Вы же его посланник, верно?! Настоящий посланник, я имею в виду! Я почувствовал ваш Знак! Вы... посланник Единого! Вы можете изгонять саламандру и...

— Я не могу! — взорвался разноглазый. — Я не умею! Я... Меня приняли в лоно Храма совсем недавно и...

— Но вас учат этому сразу! И ваш Знак...

— Я не умею! Поймите... Пойми, сын мой, я еще не рукоположен на столь важное дело и потому не могу...

— Вы должны, отец! — Адельмар и сам не понял, когда он вцепился в ворот рясы бродяги. — Это ваша обязанность! Вы были в Дертонге, вас должны были учить этому!

Монах судорожно одернул рукав, скрывая видневшуюся на левом запястье крохотную метку Единого:

— Я был там ребенком! Я не умею! Я не могу ничем помочь вам... помочь тебе, сын мой! Не могу, понимаешь, не могу!

— Или «не хочу», — зло выдохнул Адельмар.

— Не могу. Не умею.

ПРОКЛЯТЫЕ ОГНЕМ

Лорд Сьер замер, словно только что понял, что он поднял руку на посланника Единого, медленно разжал кулаки, отступил на шаг...

— Простите меня, отче, — хрипло выдохнул он.

— Ничего, сын мой, — выдавил слащавую улыбочку монах. Вышло это с большим трудом. — Я все понимаю. И Единый простит тебе эту нагло... Эту страсть. Он видит, что сердце твое в смятении... Я могу идти?!

И, пожалуй, именно этот вопрос и решил все.

— Конечно, отче, простите мне вспыльчивость мою... Может, легкий обед сможет загладить мою вину?

— Ничего страшного, ниче... Обед?! О, конечно, сын мой, с превеликим удовольствием!..

...Дико болела голова. Во рту пересохло, на языке чувствовался противный привкус металла, а в ушах звенело.

Мадельгер медленно открыл глаза. Это ж надо так вчера напиться! Если Росперт узнает — насмешек не оберешься. Конечно, он же у нас самый лучший — и пьет, не пьянея, и фехтует, как Тот, Кто Всегда Рядом, и вообще...

Где-то высоко виднелся каменный потолок, покрытый пятнами копоты. Странно, вроде бы ни в одном кабаке уже давно по-черному не топят, это же, в конце концов, не север Дертонга. Откуда здесь сажа?

Мужчина поморщился от острой вспышки боли и, решив, что думать он будет потом, когда полегчает, медленно повернул голову...

Похмелье как рукой сняло. Даже головная боль, что гнездилась в висках, показалась маленькой, легкой и несущественной по сравнению с тем, где он сейчас находился, — потому что рядом с ним, в искусно вырисованной водяной магией пентаграмме лежала уже виденная ранее девица в рубахе из каменного льна.

— Скримслова пучина... — глухо простонал монах.

Сесть удалось с трудом. В голове что-то звенело и булькало — странно, вроде бы не били... Но в любом

ЧАСТЬ I

случае последнее, что Мадельгер мог припомнить, это то, как он согласился на любезное предложение лорда Сьера. И ведь говорил Росперт, что чревоугодие — зло! И ведь вляпывался уже из-за этого в неприятности — чего стоит история с Кайо! Так нет! Захотелось остаться на «легкий обед»! Это ж надо быть таким идиотом!

Мужчина сдавленно застонал, оперся спиной о стену и прикрыл глаза — от одного взгляда на синие линии пентакля начинало мутить — благо, начертанная на полу фигура занимала не всю площадь комнаты и позволяла сидеть, вытянув ноги.

— Очнулись, отец Мадельгер? — Знакомый голос полновластного правителя Ругеи звучал откуда-то сверху и сзади.

Мужчина медленно приоткрыл глаза, поднял голову — в одно из окошек в металлической двери как раз и заглядывал в комнату Адельмар.

— Вашими молитвами, — хрипло простонал монах.

— Моими? — Дворянин недоумевающе заломил бровь. Но дверь, похоже открывать не собирался.

Хотя проверить стоило.

— Выпустите меня.

— И не подумаю. Кстати, отец Мадельгер, а с каких пор вы перешли на «вы»?

Пришлось вспоминать навыки:

— Сын мой, ты забываешь, что я путешествовал по многим городам, а везде разные нравы и обычаи... Но ни один из этих обычаев не разрешает запирает посланника Единого и удерживать его!

Голос Адельмара был ровен и спокоен — видно, период переживаний уже прошел:

— Я предлагал вам помочь мне подобра. Вы не захотели.

— Да не могу я!

— Прекратите ломать комедию, отец Мадельгер! — гневно оборвал его тюремщик. — Все знают, что посланники Единого способны изгонять саламандр,